

УШАКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

*депутат Моссовета 21-го созыва
(избирательный округ № 87),
председатель постоянной комиссии
по культуре, искусству и охране
исторического наследия*

«НАШИМ НАДЕЖДАМ НЕ СУЖДЕНО БЫЛО СБЫТЬСЯ...»

В Моссовет я попал случайно. В 1989 году на Сретенке, где я живу, началась реконструкция. И все боялись, что нас, коренных жителей, выселят на окраину, а здесь поселятся богачи и важные чиновники. Стали проходить собрания, народные сходы. Однажды я на такое собрание забрёл. И поскольку я самый горластый и выступил довольно эмоционально, меня сразу избрали в инициативную группу, которая вскоре стала вторым в Москве, после Арбата, комитетом самоуправления. По полномочиям это было что-то вроде районного совета депутатов в масштабах небольшого района. Меня избрали его председателем.

А вскоре объявили выборы в Моссовет и районные советы, и жители Сретенки, которые к тому времени меня хорошо знали, дружно проголосовали за меня в оба совета. Среди моих конкурентов были и проректор Архитектурного института, и Прокурор РСФСР, и известный религиозный деятель.

Никогда не хотел заниматься никакой политической деятельностью. Не хотелось влезать в склоки, интриги – их мне хватило за более чем 20 лет работы в Московском театре юного зрителя. И, попав в Моссовет, я не вступал ни в какие блоки и фракции. Сразу решил, что работать буду в основном на округе, с конкретными проблемами избирателей. Для таких аполитичных депутатов, как я, был один подходящий блок – «Независимые». А для профессионального актёра была одна подходящая комиссия – по культуре, искусству и охране исторического наследия.

Выборы председателя этой комиссии проходили мучительно долго, почти полгода: предлагаемые депутатами кандидатуры не устраивали новое демократическое руководство Моссовета, и наоборот – депутаты отвергали политических назначенцев. В составе комиссии были громкие имена: Юрий Александрович Сенкевич – известный путешественник и телеведущий, Павел Николаевич Гусев – главный редактор газеты «Московский комсомолец», видные политические активисты «Демократической России». Им противостояли так называемые «независимые» депутаты. Дошло до того, что Президиум Моссовета стал грозить роспуском комиссии, если она не изберёт председателя. И вот однажды ко мне подошли Ю.А. Сенкевич и И.В. Фёдорова и сказали, что провели переговоры с депутатами и Президиумом, и моя кандидатура оказалась консенсусной, поэтому я должен немедленно дать согласие баллотироваться на должность председателя комиссии. Уже через 10 минут я был избран её председателем.

Конечно, я не имел ни малейшего представления о том, чем мне придётся заниматься. Не подозревал, насколько серьёзные властные полномочия были у депутатов, как велика ответственность. Мы согласовывали все кадровые назначения в подведомственных исполнительных структурах, исполнение их бюджетов, регистрацию новых организаций и учреждений и многое другое. В нашем ведении находились Управление культуры, Управление охраны памятников, Управление кинофикации, Мосархив и многие другие организации.

До этого мой управленческий опыт ограничивался должностью секретаря партийной организации Московского театра юного зрителя. Однако мне хватило здравого смысла не начинать деятельность нашей комиссии с революционных нововведений, как этого требовали новые моссоветовские власти. Для начала мы с коллегами решили познакомиться с тем, как организована работа этих отраслей в Москве, каково мнение творческой интеллигенции об этом, какие существуют реальные проблемы в этой сфере, а какие были навеяны атмосферой революционной романтики. Вскоре мы

составили представление о работе отрасли, собрали отзывы экспертов и пришли к выводу, что реформировать её ради реформирования смысла нет.

Тогда Комитетом по культуре руководил Игорь Борисович Бугаев – управленец с огромным опытом и прекрасной репутацией у деятелей культуры. И когда от нас потребовали его заменить – как управленца старой, советской эпохи, – мы обратились к известным и знаменитым деятелям культуры: одобряете ли вы его деятельность на этом посту? И все как один ответили: одобряем. Некоторые приходили, чтобы лично подтвердить свои слова. Тогда я познакомился со знаменитой актрисой Кларой Лучко, которая, как оказалось, возглавляла комиссию по культуре в предыдущем созыве Моссовета и рассказала мне много интересного о её работе.

Но на этом дело не закончилось. Примерно через год, после создания мэрии в её структуре решили создать социальный блок, куда вошёл бы и Комитет по культуре. И все бы ничего, но руководство этим блоком собиралось возложить на актрису Ирину Петровну Мирошниченко. Просто потому, что она была хорошей знакомой одного из замов мэра – к слову сказать, одновременно и депутата Моссовета.

К тому времени мы уже немного разбирались в особенностях управления сферой культуры в Москве и пришли в ужас! Я ничего не имею против Ирины Петровны, она прекрасная актриса, долгие годы мы были хорошими соседями по даче. Но представить её во главе этой огромной исполнительной вертикали я был не в состоянии.

Пришлось фактически повторно проводить кампанию в защиту И.Б. Бугаева! Включив все свои административные и актёрские ресурсы, я сумел добиться у Ю.М. Лужкова нужного результата и поныне горжусь этим. В то невероятно нестабильное и турбулентное время, по крайней мере, хотя бы в одной сфере управления городом, причём в такой чувствительной и деликатной, как культура, катаклизмов было намного меньше, чем в других.

Вплоть до окончания наших полномочий мы проработали с И.Б. Бугаевым без особых трений и конфликтов. Он ещё долгие годы возглавлял этот комитет. Мы не занимались мелочной опекой подведомственных структур, доверяли профессиональному опыту их руководителей и зачастую даже ограждали их от ненужного вмешательства некоторых «реформаторов».

В свою очередь, управленцы оказывали нам профессиональную поддержку в осуществлении разного рода идей, проектов и инициатив, на которые был так богат депутатский корпус. Так, нашими совместными усилиями в Москве появились концерты на Красной площади, День города, акции «Ночь в музее» и многое другое. Мы неплохо сработались, и после разгона Моссовета некоторым членам нашей комиссии предложили перейти на работу в Комитет по культуре, то есть признали в них профессионалов. Предложением этим, правда, никто не воспользовался – так велик был у всех шок от того, как с нами поступили.

Среди членов комиссии были как настоящие профессионалы, так и любители, которые считали, что разбираются в культуре и в состоянии ею руководить. Я старался обеспечивать баланс мнений, но при принятии решений опирался на мнение профессионалов. Мы никогда не позволяли политическим дрызгам возобладать над профессиональным суждением.

Мы видели, как некоторые комиссии Моссовета изнутри раздирает конфронтация, которая парализует их работу, и всеми силами старались избежать такого сценария. Вообще многих конфликтов с исполнительной властью, которые возникали постоянно, необоснованно раздувались и обострялись, можно было, по моему мнению, тогда избежать. Например, комиссия по законности без должной проработки и согласования вынесла на сессию Моссовета вопрос по кандидатуре начальника ГУВД города Москвы. В результате получили долгоиграющий конфликт с голодовками депутатов и ещё бог знает с чем. И лишний раз расписались в своей недоговороспособности. Увы, надо признать: большинству депутатов не хватало управленческого опыта и простого воспитания, и они очень часто вели себя бесцеремонно и безответственно. Да, исторический процесс был против нас, но можно было обойтись меньшей кровью и обеспечить хоть какую-то преемственность, хоть какой-то задел следующему поколению депутатов.

Предотвращать постоянно тлеющие конфликты мне помогали мои актёрские навыки. Чтобы утихомирить страсти, я читал монологи из пьес, пел арии и пускался на всякие другие ухищрения,

лишь бы депутаты в пылу политической борьбы не передружили друг друга. Видимо, коллеги ценили мои миротворческие усилия, потому что в дальнейшем, при ежегодной процедуре «вотирования на доверие», которую проходили тогда все председатели профильных комиссий, я не получал ни одного «чёрного шара».

В день, когда был снят с постаменты памятник Феликсу Дзержинскому, члены нашей комиссии подверглись беспрецедентной атаке со стороны депутатов-экстремистов, руководивших этим демонтажом. Помню, прибежали депутат Миронов и соратники и стали угрожать чуть ли не отдать нас на растерзание пьяной толпе, если мы немедленно не признаем этот снос законным и не выпустим соответствующее заявление для прессы.

И здесь наши депутаты продемонстрировали удивительное единодушие, которым я горжусь и сегодня. Все как один отказались это делать, назвали снос памятника кощунством и актом вандализма и написали обращение в прокуратуру. В дальнейшем Президиум Моссовета через нашу голову выпустил какое-то невнятное решение на этот счёт, не имеющее юридической силы. В ответ на это наша комиссия выпустила решение о создании музейного комплекса «Музеон» для обеспечения сохранности этого и других снесённых памятников. Как говорится, сделали все возможное в тех условиях, но себя не запятали.

В ту пору в театрах часто вспыхивали конфликты между руководством и коллективами. Хорошо помню забастовку в Музыкальном театре им. Станиславского и Немировича-Данченко. Театр останавливал спектакли, хор молча и укоризненно стоял на сцене. Конфликтовали в Театре им. Ермоловой, Театре на Таганке. В Театре зверей им. Дурова слона сняли с довольствия, и дрессировщик в знак протеста заперся со слоном в клетке...

От нас требовали принять участие в этих конфликтах, поменять руководство. Слава богу, у нас хватило ума не участвовать во всем этом. Я был твёрдо убеждён, что оперативное руководство учреждениями культуры выходит за рамки наших полномочий, и депутаты в таких чувствительных сферах не обладают нужными компетенциями. Коллеги по комиссии разделяли мою позицию. Поэтому мы в подобных вещах полагались на профессионализм коллег-управленцев из Комитета по культуре.

Все эти конфликты были яркими, как сейчас говорят, резонансными событиями, привлекали большое внимание прессы, и мы могли с утра до вечера красоваться на телеэкранах и первых полосах газет, раздувая эти скандалы и комментируя их подробности. Но мы выбрали иную тактику, и, как показала жизнь, наши коллеги из исполнительной власти обычно быстро справлялись с ситуацией. Бывали и исключения, как с Театром на Таганке, когда для того, чтобы сохранить уволенную Юрием Любимовым половину актёрской труппы, пришлось выносить этот вопрос на сессию Моссовета и её решением учреждать новый театр.

В первые месяцы нашей работы я столкнулся с большим наплывом посетителей из числа нашей художественной элиты. Это были знаменитые артисты, музыканты, художники. Они раньше многих почувствовали ветер перемен, и почти все предлагали создать под своё имя какие-нибудь творческие организации, фонды, частные театры и т.д. Их главная просьба состояла в выделении помещения под эти цели. В чем-то мы шли им навстречу, помогали. Например, поддерживали предложения по использованию пустующих кинотеатров. Многие обращались по жилищным вопросам, мы тогда тоже им помогали, это десятки имён.

Помню, директор Дома актёра, где незадолго до этого произошёл пожар, Маргарита Александровна Эскина пришла к нам со своей большой командой и буквально требовала, чтобы им отдали Музей революции на ул. Горького. При всем уважении к профессии артиста и моей принадлежности к этому цеху такое требование показалось мне чрезмерным. И ведь такое было в то время действительно возможным! Наши полномочия вполне позволяли это сделать.

Осознав, наконец, масштаб своих полномочий и уровень ответственности, мы у себя в комиссии резко усилили коллективный контроль за индивидуальными инициативами и решениями депутатов. Выражалось это в том, что все предложения, касавшиеся вопросов собственности и оперативного управления учреждениями культуры, должны были сначала обсуждаться на комиссии и получать её одобрение.

Возвращаясь к Дому актёра, хочу сказать, что вопрос решился в 1991 году, когда Николай Николаевич Губенко, бывший тогда министром культуры СССР, передал им здание своего министерства на Арбате. Случилось это после распада Советского Союза и ликвидации всех союзных структур управления.

Помню, по просьбе Дмитрия Сергеевича Лихачёва и Российского Фонда культуры искал в Москве подходящее помещение для Центра культуры российской интеллигенции. Подобрали подходящий бесхозный комплекс старинных зданий на улице Казакова. Но вскоре умер Д.С. Лихачёв, нас разогнали, а в старинной усадьбе разместилось Министерство спорта.

Я всегда почему-то болезненно относился к тому, чтобы закрывать наше национальное архитектурное и историческое достояние – дворцы, усадьбы – от граждан. Поэтому мы предложили ввести Дни открытых дверей для разного рода учреждений, находящихся в памятниках культуры. Эта инициатива была встречена москвичами на ура. И сегодня существует большой перечень учреждений, расположенных в зданиях – памятниках культуры и архитектуры, которые периодически открывают свои двери для посетителей.

Мы учреждали много театров. Некоторые существуют до сих пор. А некоторыми из них я настоящему горжусь. Например, «Театр Около дома Станиславского», которым руководит Юрий Николаевич Погребничко. С моей точки зрения, это один из самых выдающихся театров нашей страны, театр мирового уровня!

Или взять историю с мастерскими художников. После принятия законов о приватизации жилых помещений мастерские оказались в правовом вакууме, с художниками расторгались договоры аренды и назначалась новая непосильная арендная плата. Члены нашей комиссии Иванов К.К., Копейко Ю.В. и другие разработали нормативную базу, позволившую художникам и далее владеть этими помещениями. В принятии этих поправок нам очень помог Сергей Борисович Станкевич.

Вообще считаю, что С.Б. Станкевич был одним из самых эффективных и приятных в общении руководителей Моссовета, и не согласен с тем, что впоследствии на него повесили всех собак: и за памятник Дзержинскому, и за многое другое. К слову сказать, когда мы пытались погасить кампанию по сносу памятников летом 1991 года и фактически саботировали (принятием большого числа поправок, условий, требований) эту работу, он нам нисколько не мешал и в какой-то степени проявлял солидарность. Могу перечислить десятки памятников, которые нам удалось спасти.

Почётным и исторически важным делом для нашей комиссии было поручение разработать государственную символику Москвы: герб Москвы, флаг Москвы, гимн Москвы, знак депутата Моссовета. Член нашей комиссии, заслуженный художник РСФСР, ветеран Великой Отечественной войны Константин Константинович Иванов блистательно с этим справился. Москву украшают изображения герба, эскизы которого создал он.

Ещё в начале работы нашей комиссии (а время было тяжёлое и голодное) мы задумались: что можно сделать для детей Москвы, особенно для детей из детских домов, многодетных семей, детей-инвалидов? Хотелось подарить им праздник. Решили сделать большую новогоднюю ёлку – в концертном зале «Россия», с большим концертом, настоящими подарками. Договорились о выделении нам концертного зала на целый день, три сеанса. Подарки удалось выцыганить у кондитерской фирмы «Марс», которая тогда только заходила на российский рынок и нуждалась в рекламе. Мы поставили на сцену их рекламный баннер, а они за это снабдили детей подарками – большими наборами конфет, что по тем временам было огромной, невероятной ценностью! Они привезли три трейлера этих конфет, и мы ещё долго раздавали их по детским учреждениям Москвы. А тогда, в зале, плакали все – руководители образования, социальной защиты, артисты, родители, – видя, как счастливые дети бережно прижимают к себе эти пакеты.

О работе президиума Моссовета мне сказать особо нечего. Я участвовал в его заседаниях с тяжёлым сердцем: и потому, что, будучи глубоко советским человеком, не разделял ценности «новой демократии», и потому, что меня не покидало ощущение театральности всего происходящего. Причём театральности в плохом смысле. Казалось, президиум служит своего рода ширмой для решений, принятых кулуарно в более высоких кабинетах. В президиум входили председатели комиссий, которые представляли собой весьма разношёрстную публику. Решения тоже зачастую принимались,

с моей точки зрения, спорные. Нередко при голосовании я воздерживался, а когда меня критиковали за отсутствие чёткой политической позиции, отделялся какой-нибудь актёрской эскападой.

Свою депутатскую жизнь я делил между Моссоветом и своим районом. Много сил и времени занимала организация продовольственной и другой помощи жителям. Я сотрудничал с Московским Домом милосердия, который учредили наши депутаты (поклон Гале Бодренковой!⁷⁴⁰), получал по их линии грузы, наладил их распределение. Привлекал к работе, не стесняясь, всех, до кого мог дотянуться. Например, Комитет по культуре выделял нам легковую машину три дня в неделю для доставки помощи пожилым и инвалидам, их поездок в поликлиники, бани, парикмахерские. Организовали благотворительную столовую на базе диетической столовой, которая находилась на Садовом кольце. Финансировать расходы уговорили руководителей двух министерств, которые находились на территории нашего округа: Министерство автомобильной промышленности и Министерство рыбной промышленности. Мы печатали талоны на обеды, талоны распределялись активистами среди нуждающихся граждан. Это был 1990 год, и я с благодарностью вспоминаю всех неравнодушных людей.

Тогда же у меня был один курьёзный случай. Раздаётся звонок, и мне говорят: «Александр Иванович, к вам в Москву летит военный боинг из Америки с гуманитарной помощью. Через час он прилетает в Шереметьево, нужны транспорт и люди на разгрузку». Я впал в ступор. А потом позвонил военному комиссару Москвы. Представляюсь, рассказываю эту историю. А меня комиссар спокойно спрашивает: «Сколько вам нужно людей и машин? Куда направить?» «Ну, – говорю, – Боинг разгрузить, сколько солдат нужно?» Дальше я еду в Шереметьево и сам не понимаю, во что я ввязался: военный американский самолёт, московский военный комиссар... А уже на подъезде вижу длинную вереницу военных грузовиков, которые идут туда по моей устной (!!!) заявке. Было ощущение нереальности происходящего, как будто я стал участником кинофильма-боевика. Помощь благополучно разгрузили, с солдатами поделились, в наш район её доставили, нуждающимся раздали.

У меня до сих пор хранятся списки тех людей, которые получали помощь. Наши активисты – ветераны, студенты, районные депутаты – скрупулёзно и дотошно вели учёт получателей помощи: кто получил, что получил, номер паспорта, адрес и так далее. Это были потрясающе ответственные и доброжелательные люди! Они были моей опорой все годы депутатской работы. Низкий им поклон!

1990 год. У нас началось отселение жителей Сретенки под реконструкцию. Им было выделено 267 квартир в новом хорошем доме на улице Королева, в районе ВДНХ. И вдруг мне говорят, что эти квартиры отдадут депутатам Верховного Совета! Иду к Сергею Борисовичу Станкевичу, вместе пишем Владимиру Иосифовичу Ресину. Затем прихожу к Ресину, получаю необходимую резолюцию. Все было решено буквально за один день! Потом ко мне приходили люди, благодарили, говорили, что никто не верит, что они получили такие квартиры без взяток. Все собираюсь написать С.Б. Станкевичу и В.И. Ресину благодарность за эту историю – уже тридцать лет собираюсь!

Как на работу, я ходил на приёмы к руководителям Москвы, которые занимались выделением жилья. У меня, как и у любого депутата, были десятки таких просьб. Как правило, если они были обоснованными и законными, вопрос быстро решался: работала ещё советская система, когда и с мнением депутата было принято считаться и людям помогать не считалось зазорным.

Да, в стране победившего капитализма система советского народовластия выглядела чужеродной, и мы все это понимали. Но меня не оставляла надежда, что мы сможем смягчить неизбежный переход к новым моделям управления, обеспечить хоть какую-то преемственность между старыми и новыми представительными органами власти, сохранить из советского периода полезные элементы такого управления. Я был против расшатывания и без того непростой ситуации, против экстремистских выходов многих наших депутатов, старался во вверенной мне сфере сохранить стабильность и предсказуемость, не допустить хаоса.

Увы, нашим надеждам не суждено было сбыться. К сожалению, ликвидация Моссовета послужила сигналом для ликвидации местных советов по всей России, чего, на мой взгляд, можно было бы

⁷⁴⁰ Бодренкова Галина Петровна – депутат Моссовета 21-го созыва, член постоянной комиссии по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности.

избежать, проведя мягкую трансформацию их полномочий. В результате мы получили выжженную землю за нами и совершенно уничтоженное региональное законодательство.

Работа в Моссовете осталась одной из самых ярких страниц в моей биографии. После Моссовета я занимался преподавательской и общественной деятельностью, проводил Московские литературные фестивали для школьников, сейчас возглавляю общественную организацию «Наследие Моссовета», где мы вместе с другими бывшими депутатами Моссовета пытаемся по крохам собрать документы, сведения и факты об этом замечательном и почти забытом политическом феномене – Моссовете 21-го созыва.

СТРАСТИ ПО «ТАГАНКЕ»

На заседании Президиума Московского городского совета народных депутатов 15 февраля был рассмотрен вопрос о новой "Таганке". Планировалось утверждение устава "Содружества актеров Таганки" и выдвинутого на пост художественного руководителя - Н. Н. Губенко.

В зале Президиума непривычно тесно. Все ряды заняты артистами знаменитого московского театра. Эмоциональные, творческие и открытые, они не могли равнодушно сле-

дить за ходом заседания. Да и как можно требовать спокойствия от людей, которые вот уже больше года ищут выход из конфликтного тупика. Естественно, не обошлось без непредвиденных выступлений, резких реплик, обид, упреков и даже слез.

А все потому, что вопрос "Таганки" решить одним махом никто не отваживается. И на этот раз Президиум пришел к половинчатому решению.

Документы были приняты за

основу и возвращены авторам на доработку.

Работать в обстановке высокого эмоционального напряжения тяжело. И тем не менее было совсем не лишним напомнить депутатам, что принимать или откладывать решение проблем, глядя в глаза своим избирателям, обратившимся за помощью, гораздо труднее и ответственнее, чем наедине со своими коллегами.

И. ФРОЛОВА.
Фото С. ЗАЙЦЕВА

на представителей стоматологических специальностей, но и на ученых, преподавателей и предпринимателей. Среди первых подписчиков этого издания, кроме москвичей, жители Калининграда, Харькова и Самары, Нальчика и Тюмени, Краснодара и Сыктывкара, а также из других больших и малых городов России.

Художественная береста России" - выставка под таким названием была представлена посетителям в Музее народного искусства, что находится на улице Станиславского в Москве. Особое внимание среди ее экспонатов привлекали изготовленные умельцами лапти, туеса и шкатулки, декоративные самовары.

Как подчеркнул в своем выступлении на Ученом совете начальник Главного медицинского управления Москвы А. Соловьев, в Москве растет смертность населения. Она изменилась с 11,7 случаев на тысячу человек в 1980 году до 12,9 - в 1991-м.

За тот же период рождаемость сократилась с 13,6 на тысячу человек до 9,2.

Растет заболеваемость москвичей. С 37,8 тыс. случаев на сто тысяч населения в 1990 года заболеваемость в 1991 году увеличилась до 58,2 тыс.

Около миллиона москвичей заняты на работах с вредными условиями труда.

В феврале резко возросли тарифы на междугородние телефонные разговоры. Их исходная величина установлена для времени от 0 до 8 часов утра. С 18 до 0 часов стоимость разговоров удваивается, а с 8 до 18 часов - утраивается.

Самых различных товаров на 24 миллиарда рублей было выделено в прошлом году правительством Москвы в расчете осуществить бартер. Однако "ушло" по бартеру из столицы немногим более 7 миллиардов рублей.

Отсюда - полупустые прилавки в магазинах Москвы и, естественно, сверхвысокие цены на предлагаемые товары.

На наших телеэкранах появилась новая программа - "ТВ-6 Москва". Работает она на шестом канале, прием осуществляется комбинированной антенной телевизором, настроенным на частоту 172-184 МГц, не дальше, чем в пятнадцати километрах от телебашни.

С начала 1994 года 6 канал сможет принимать, вся Россия.

Заметка в газете «Дума» № 7 (24), 1993 г.